

«Археология памяти»: Петр Пазиньский

Аннотация:

В прозе Петра Пазиньского, представителя молодого поколения, родившегося в Польше после Холокоста и не пережившего его на собственном опыте, осуществляется попытка погружения в прошлое, восстановления памяти об утраченном мире и связи поколений — ушедших и живущих. Автор видит в этом свой долг «последнего из цепочки поколений», обращаясь к различным аспектам еврейской традиции.

Ключевые слова:

польская литература XXI в., проза Петра Пазиньского, память о Катастрофе.

Victoria V. MOCHALOVA
(Moscow)

«Archeology of memory»: Piotr Paziński

Abstract:

In prose of Paziński, a representative of the young generation, those who were born in Poland after the Holocaust and hadn't experienced it firsthand, an attempt is made to dive into the past, to restore the memory of the lost world and the connection between generations — the «gone» and the «living». The author regards it as his duty as the «last link in the chain of generations», and addresses various topics of the Jewish tradition.

Keywords:

Polish literature of the XXI century, Paziński' prose, memory of the Holocaust.

*Живут не только в домах,
но и в памяти, в традиции, истории, культуре.
А в Варшаве это важнее, чем в каком-либо другом
месте на свете. Иногда трудно поверить,
что этот город существует¹.
Малгожата Барановская*

«Археологией памяти» назвал польский писатель*, литерату-
 Аровед**, эссеист***, переводчик****, журналист***** Петр
 Пазиньский свою прозу, как бы полностью описываемую таким опре-
 делением: «Пожалуй, всё, чем я тут занимаюсь, есть археология памя-
 ти, погруженной во мрак... Легче разглядеть истлевшую тень минув-
 шего, чем зарю будущей жизни»².

Стратегия писателя могла бы быть отнесена к распространен-
 ным в литературе «поискам утраченного времени»*****, если бы
 речь не шла о специфической для польской литературы «памяти о
 Катастрофе»³. В случае же Пазиньского речь идет о посттравматиче-
 ском, фантомном воспоминании о Катастрофе польского еврейства,
 описываемом человеком, не пережившим ее в своем личном опыте,

* Его дебютный роман «Pensjonat» («Пансионат», 2009) был отмечен премией «Паспорт „Политики“» («Paszport „Polityki“», 2009), Европейской литературной премией (2012), номинирован на главную польскую литературную премию «Нике» («Nike»), переведен на чешский (Letní byt. Prekl. L. Zakopalová. Praha, 2012), сербский (Pansion. Prev. S. Dukanović. Novi Sad, 2013), немецкий (Diepension. Übers. V. Voelkel. Berlin, 2014) и русский (Пансионат. Пер. И. Адельгейм. М., 2018) языки. Следующая книга прозы — сборник из четырех рассказов «Птичи улицы» (Ptasie ulice. Warszawa, 2013).

** Его работа «Лабиринт и дерево. Исследование „Улисса“ Джеймса Джойса» («Labirynt i drzewo. Studia nad „Ulissesem” Jamesa Joyce’a», 2005) была защищена в качестве докторской диссертации (научный руководитель — проф. Михал Гловиньский) в Институте литературных исследований ПАН. Исследование творчества Джойса привело Пазиньского и к созданию авторского путеводителя по Дублину Улисса с приложением «словаря» его героев («Dublin z Ulissesem. Wraz ze słownikiem bohaterów „Ulissesa”», 2008).

*** Сборник эссе «Поистершаяся реальность» («Rzeczywistość poprzecieraną»). Kraków, 2015) был отмечен литературной премией Гдыни в области эссеистики, премией журнала «Литература на Свете» (2016).

**** В 2017 г. перевод Пазиньского книги нобелевского лауреата Шмуэля Йосефа Агнона «Притча о писце и другие рассказы» («Przypowieść o skrybie i inne opowiadania») был отмечен премией имени Т. Боя-Желеньского, присуждаемой мэром Гданьска.

***** В 1992–1997 гг. Пазиньский работал в газете «Газета Выборча», с 1997 г. стал сотрудником, а с 2000 г. — главным редактором ежемесячного журнала «Мидраш».

***** Поиски прошлого в заброшенном пансионате, осуществляемые героем Пазиньского, как будто соответствуют пониманию Марселя Пруста о лучшем, что хранится в тайниках нашей памяти, но находится вне нас — «в порыве ветра с дождем, в нежном запахе комнаты, всюду, где мы вновь обнаруживаем ту частицу нас самих, которой наше сознание не пользовалось, остаток прошлого, самый лучший, обладающий способностью, когда мы уже как будто бы выплакались, все-таки довести нас до слез («Под сенью девушек в цвету»). Цит. по: URL: <http://cytatnik.ru/luchshee-cho-khranitsya-v-tainikakh-nashei-pamyat> (дата обращения: 07.01.2019).

«последним из цепочки поколений, ухватившимся за самый кончик»⁴, имеющим дело с отголосками и отблесками чужих воспоминаний, с призраками, с полуистлевшими обрывками-останками текстов или с вовсе исчезнувшими письменными свидетельствами («Рукопись Исаака Фельдурма», сборник «Птичьи улицы»).

Каждый из свертков с обрывками текстов, хранимых старой дамой, персонажем «Пансионата»*, — «рай в миниатюре для археолога» — признает повествователь, тщетно пытающийся «расшифровать их содержимое». Однако «остались лишь разрозненные, рассыпанные слова. Трудно разобрать... А на месте каждой полустертой буквы зарождается зло, ведь верно? И каждый покалеченный штрих, надорванная ножка, испорченная засечка, даже если щель в ней толщиной с волосок — разве не нарушают они основы Вселенной и не отторгают ее часть?»⁵ Смысл этого фрагмента проясняется в контексте еврейской традиции, согласно которой текст Торы, каждая ее буква имеют сакральное значение, и если при переписывании свитка Торы пропустить хотя бы одну букву, разрушится целый мир (Талмуд, трактат Эрувин 13а).

Память, воспоминания — свои и чужие — становятся тем строительным материалом прозы, в который писатель пытается вглядываться, балансируя на грани реальности и видений, памяти и забвения («Разбуженная память, которой не дают спокойно уснуть, давит потом, точно тяжелый валун»; «Еврейская судьба давит, как скала»⁶. Если этот «последний из цепочки поколений» занимается исключительно «археологией памяти», то представитель предшествующего поколения — детей послевоенной Варшавы, — Малгожата Барановская, называющая память наиболее характерной чертой этого города, который существует только благодаря ей, избирает сходную писательскую стратегию — она пишет «Мистический дневник» — дневник свой и города: «Всю жизнь я не делаю ничего иного, только пишу за него дневник, [...] дневник внутреннего опыта, опыта Варшавы во множестве ее эпох и слоев — слоев архитектуры, слоев памяти»⁷.

Пазинский стремится писать за тех, или о тех, кто не оставил или уничтожил свои свидетельства, или *после* тех, кто бесследно исчез и уже не имеет голоса.

* Здесь можно обнаружить ассоциацию с прустовским пониманием тщетности попыток воскресить наше прошлое, которое находится вне пределов досягаемости нашего сознания, но — в какой-нибудь вещи, «в том ощущении, какое мы от нее получаем» («По направлению к Свану»). Цит. по: URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/> (дата обращения: 07.01.2019).

Нет особых затруднений в определении художественных традиций, к которым близок Пазиньский, тем более что во вступлении к сборнику своих эссе «Поистершаяся реальность» он сам очертил значимый для него круг творцов — как «старых знакомых» (Джойс, Кафка, Шульц), так и новых (поэты Пауль Целан и Хаим Нахман Бялик, раввин Исаак Цилков, переведший Танах на польский), а важнейшим для себя назвал театрального режиссера, художника, сценариста, писателя, теоретика искусства, актера Тадеуша Кантора, оказывающего на него гипнотическое воздействие.

Представляется, что этот круг, этот художественный контекст может быть расширен: «последний из цепочки поколений» как будто вторит Ицхаку Каценельсону (1886–1944), убиенному в Освенциме автору «Сказания об истребленном еврейском народе», успевшему перед своей гибелью написать и спрятать свою поэму.

*Как синагога в день Йом Кипура, бурля,
Варшава, — мчась, молясь, торгуя, балагурия —
была для каждого счастливая земля [...]
Варшава, ты теперь не город, а кладбище;
В твоих домах-гробах нет даже мертвых тел;
На мертвых площадях холодный ветер свищет, —
Евреев больше нет, наш город опустел...⁸*

Пазиньский как бы следует за Каценельсоном, перечислявшим названия исчезнувших улиц («Нет больше Железной, Гжибовской, Крохмальной, Валицов, Твардой»⁹), называя свой сборник рассказов «Птичьи улицы» — в память об уничтоженной еврейской Варшаве и ее улицах с птичьими названиями — *Gęsia* (Гусиная), *Pawia* (Павлинья), *Orla* (Орлиная), *Wronia* (Воронья), *Kacza* (Утиная). Как говорится в современном путеводителе, «Варшава прекрасно подходит для туризма по несуществующим местам (туризма духов и перечеркнутых мест на карте)»¹⁰.

В Варшаве, треть населения которой до войны составляли евреи, учился, работал и издал свою знаменитую книгу «доктор Эсперанто» — Людвик Заменхоф, похороненный, как и один из основоположников новой идишской литературы Ицхак-Лейбуш Перец, на еврейском кладбище у улицы Окопова. Здесь родился Осип Мандельштам, выступала «мать еврейского театра» Эстер-Рохл Каминьская, блистал в литературных кабаре поэт Юлиан Тувим, автор манифеста «Мы,

польские евреи...», сюда ставший впоследствии знаменитым идишский поэт Ицик Мангер переезжает в 1929 г. как в столицу еврейской литературной жизни и здесь издает свою «Книгу рая», которая успела выйти в 1939 году¹¹, буквально накануне превращения «рая» в «ад»*.

Персонаж «Семьи Мускат» польского еврейского писателя Исаака Башевиса-Зингера, по-своему стремившегося воссоздать и уберечь от забвения разрушенный еврейский мир Польши (что было отмечено в 1978 г. Нобелевской премией), реб Мешулам сказал о еврейском квартале Муранов на севере Варшавы: «Земля обетованная, а?» — когда его «экипаж свернул на Гжибовскую площадь, где «по тротуарам снова евреи в лапсердаках и камилавках и еврейки в накинутых на голову поверх париков шалях... Шум на улице стоял невообразимый. Уличные торговцы нараспев выкрикивали свой товар... из дверей еврейских школ высыпали мальчишки, лежали коробки с талесами, тфилинами, молитвенниками, ханукальными подсвечниками и амулетами для беременных женщин, связки еврейских газет на идише»¹². Этому шумному кварталу, где численность еврейского населения доходила до 70%, была уготована трагическая судьба — он был сметен с лица земли вместе со своими обитателями, превратился в фантом, существующий лишь в памяти, становящийся объектом научных работ¹³, журналистских расследований¹⁴ и художественных произведений разных жанров, где действуют пугающие и притягательные призраки умерших обитателей квартала (в качестве примера можно привести пьесу Сильвии Хутник «Мураноо», поставленную израильским режиссером Лилах Декель-Авнери в Драматическом театре в Варшаве в 2012 г., или роман Игоря Остаховича «Ночь живых евреев» о привидениях, выходящих из подземелий Муранова¹⁵).

Пазинский не столько пытается реконструировать ту ушедшую Варшаву, сколько осознает невозможность подобной реконструкции. Однако он выстраивает такую систему пространственно-временных координат, которая позволяет перенести изображаемое в сферу метафизики, что присуще, согласно Бахтину, иудейскому хронотопу: «Взаимосвязь временных и пространственных отношений» яв-

* Выступая вместе с Юлианом Тувимом и Авраамом Шлэнским в 1946 г. на открытии памятника героям восстания в Варшавском гетто, на руинах Варшавы Мангер сказал: «Раньше народ приходил на могилу своего поэта, а теперь поэты приходят на могилу своего народа». — *Дымыщ В.А.* Примечания // Бумажные мосты. Пять еврейских поэтов. СПб., 2012. С. 164–165.

ственным образом осуществляется в «метафизическом» иудейском хронотопе, «времяпространстве», где время становится измерением пространства, сгущается, становится зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем¹⁶.

Так перемещается по пространству-времени Варшавы и ее еврейского кладбища герой рассказа «Похоронная процессия», сопровождаемый призраками и группой стариков, провожающих покойного в последний путь¹⁷, так в тщетных поисках призрачного автора исчезнувшей рукописи бродит по Варшаве повествователь «Рукописи Исаака Фельдурма». «Я вспомнил рассказы о том, что где-то в боковых, редко посещаемых пространствах, в какой-то мере нелегальных и сомнительных, еще существует Варшава, как бы параллельная той, по которой обычно водят профанов, Варшава с не вполне определенным статусом, трудноуловимая, мерцающая на грани бытия и пустоты. Сведения о ней сохранялись для посвященных, наподобие легенд, которые можно услышать в антикварных магазинах. Говорили, что город полон щелей и лазеек, через которые можно проникнуть вглубь, где по-прежнему ходят трамваи... и где люди изучают книги»¹⁸.

Представляется (даже принимая во внимание литературные традиции, которым Пазиньский может отдавать дань), что библейская перспектива, библейский контекст в его произведениях играют, тем не менее, самую важную роль и отчетливо различимы, начиная с самого постулата его творчества. Остановимся на некоторых значимых для прозы Пазиньского библейских мотивах.

Так, Моисей/Моше получает от Господа повеление записывать важные события — «напиши сие для *памяти* в *книгу*» (Исх. 17:14) [выделено мной. — В. М.], «И сказал Господь Моше: напиши себе слова сии» (Исх. 34:27).

Как бы в духе этого высшего повеления, пан Абрам, когда стал «уже очень старым, начал писать словарь. Биографический словарь всех евреев, которые когда-либо жили в Польше... Я дошел уже до конца буквы „А”, — сообщал он... — Хочешь посмотреть? Абрамович... Аппельфельд... Ашкенази... Он уже приступил к букве „Б” и велел мне поразмыслить о том, где бы это опубликовать»¹⁹.

Однако судьбы книг и рукописей подобны судьбам их авторов — они исчезают («с печатью того, что случилось и что в мгновение их

ухода вновь погрузилось в небытие»): «Пан Абрам ведь вел дневник, но, говорят, он велел его уничтожить, когда был уже очень болен, чтобы никто на смог прочитать»²⁰.

Персонаж «Похоронной процессии» из сборника «Птичьи улицы» перед смертью рвет все свои рукописи на мелкие кусочки, чтобы ничего не осталось, иногда — даже кусочка буквы, но постоянно повторяет: «Якуб [молодой герой рассказа. — *В.М.*] идет по моим стопам. Якуб меня выручит. Якуб подхватит нить, Якуб начнет там, где у меня уже нет сил писать», «Якуб запишет дальнейший ход истории. Лучше всего — пусть начнет от праотца Адама и сорванного плода, а потом уж всё как-нибудь пойдет»²¹.

Представители старшего поколения связывают надежды с молодым продолжателем «традиции», а он ощущает на себе груз ответственности, который ему, в свою очередь, не на кого переложить. Даже если он хотел бы снять с себя этот груз, это оказывается невозможным: «Я хотел бежать, но почувствовал, что меня удерживает какая-то сила, приковывает к месту и не позволяет двинуться, словно ноги мои спутаны веревкой, словно я принадлежу к поколению пана Абрама и пани Мали, словно меня и дядю Шимона не разделяет возраст, словно нет ни малейшей щели, которая могла бы разъединить наши судьбы. Они держали меня в стальных объятиях»²².

Это представляется стержневым сюжетом прозы Пазиньского — долг «последнего из цепочки поколений» сохранить память об уходящих и ушедших, соединить их утраченный мир с миром живых, продлить традицию, которая у «народа Книги» связана прежде всего с понятием книги.

В финале «Похоронной процессии» молодой герой, бредущий по аллеям кладбища, видит на памятниках «открытые библиотечные шкафы с рядами книг, тесно уставленных на каменных полках»*, а допрудившись до одной из книг, «он почувствовал истлевшую текстуру песчаника»²³.

В рассказе «Старик» молодой герой случайно оказывается первым, кто сопровождает вынос из дома тела покойного соседа, и в попытке обсудить это взволновавшее его событие он отправляется к своему значительно превышающему его по возрасту знакомому, пану

* Среди традиционных мотивов в оформлении еврейских надгробий присутствует изображение книги или нескольких книжных переплетов с названиями, что обычно отмечает могилу раввина или автора религиозных трудов.

Вильфу. Мотив книги играет здесь сюжетобразующую роль: и комната пана Вильфа от пола до потолка заставлена переполненными книжными полками*, и сам он вел (пропавшие позднее) записи о поисках (пропавшей же) рукописи книги некоего Исаака Фельдурма, заглавного персонажа следующего рассказа сборника «Птичьи улицы», и в кульминации рассказа (в антикварном магазине) возникает важная для Пазиньского метафора — старая телефонная книга с уже несуществующими номерами²⁴. Это — сквозной мотив, присутствующий и в «Пансионате»: «список абонентов варшавской сети. Там людей было великое множество! Я когда-то набрал наш номер, тот, на Свентоерской. 12–09–28. Металлический голос автоответчика заверил, что такого номера не существует. По остальным, более поздним, тоже уже никто не отвечал. Или там жил кто-то другой. Бабушкины каракули. Блокнот, полный устаревших номеров. Вычеркиваемых один за другим. Утративших актуальность. Но блокнот выбрасывать тоже нельзя, вдруг пригодится. Он лежит на дне ящика стола»²⁵.

Нельзя уничтожить блокнот с записанными именами, ибо это будет символическим уничтожением самой памяти об ушедшем человеке, как и его самого, а согласно иудейским представлениям, уничтожение человека равнозначно уничтожению мира, в свою очередь, спасение одного человека равносильно спасению всего мира (Мишна, Санхедрин 4:5).

Главный герой «Рукописи Исаака Фельдурма» готовит огромный роман о Варшаве и ее жителях, действие которого должно охватить несколько или даже несколько десятков поколений. Одних только персонажей первого плана Фельдурм задумал более двух дюжин (купцы, чиновники, почтенные горожане, раввины и чудотворцы, но также и представители варшавского пролетариата). Книга Фельдурма столь же призрачна, как и он сам, и существует лишь в воспоминаниях и описаниях других: [она] «была несравненной панорамой эпохи, даже нескольких эпох», «начало его Варшавы уходило в самые отдаленные времена, ее предполагаемый конец был неясен, и хотя Фельдурм был уверен, что он вскоре наступит, предпочитал об этом не писать, убежденный в том, что потом не удастся стереть один раз записанного. Итак, пока он создавал образ города, улиц и площа-

* Этот же образ хранилища мудрости — огромной комнаты с тысячами книг, которую учитель, реб Шпицер, показывает ученику, присутствует и в «Пансионате».

дей, дворов и закоулков, радостно описывая жизнь в ее необозримых проявлениях»²⁶.

Автор этой масштабной рукописи не слишком заботился о своих персонажах, во всяком случае, он не был к ним привязан настолько, чтобы стараться изменить их судьбу. «Если он о чем-то и сожалел, то о выброшенных страницах, как будто с каждым скомканным листком бумаги погибал не только кусочек Варшавы, но и чье-то имя, а вместе с ним и человек»²⁷.

С метафорой книги у Пазиньского тесно связана и метафора имени — «Каждое имя что-то означает, говорят, в нем записана вся жизнь человека»²⁸, — также восходящая к Торе. Отметим, что вторая ее Книга, в русском переводе именуемая «Исход», в еврейском оригинале называется «Шмот» («Имена»). Перечень потомков Иакова, которые пришли с ним в Египет, присутствует уже в Книге Бытия/Брейшит (Быт. 46: 8–27), однако во второй Книге они вновь перечислены — уже после своей смерти: «И вот имена сынов Израиля... с Яаковом пришли они, каждый со своим семейством. Реувен, Шимон, Леви и Йегуда, Исахар, Звулун и Биньямин, Дан и Нафтали, Гад и Ашер. И было всех душ, прямых потомков Иакова, семьдесят душ» (Исх. 1:1–5)²⁹.

Повторное перечисление этих имен, согласно комментарию Раши*, призвано показать, «насколько они были дороги (Превечному), — они уподоблены звездам, которых Он выводит и возвращает (на прежнее место) по счету и по именам»³⁰. Пазиньский словно следует этой традиции, перечисляя имена и поколения: «Двенадцать Колен Израилевых... Колено Симеона в кабинете над письменным столом. Я мог смотреть часами... Разделенный в Иакове, рассеянный в Израиле... Коричневый Иехуда с барашком, зеленый Иссахар, канареечно-желтый Леви со скрижалями Моисея и звездой Давида... Частичка Эрец-Исраэль в еврейской квартире, вместо мезузы»³¹.

Поминальное повторение имен у Пазиньского охватывает как живых, так и уже ушедших, вписывает их в библейский контекст: «Пан Леон и неразлучный с ним пан Абрам... Пан Хаим. Пани Теча, пани Роза, доктор Каминьская... И слепой писатель с первого этажа,

* Рабейну Шломо Ицхаки, Раши (1040–1105) упоминается в «Пансионате» — «веселый винодел из Труа», как и другие еврейские мудрецы — Маймонид, Виленский Гаон, как многие библейские персонажи и пророки, придавая повествованию дополнительное измерение.

пан Даниэль... Доктор Кан, пани Ханка, пани Пеля и пани Зюта... Черненькая Бронка...»; «сад наполняется именами, наполняется по самые края, до границ возможного, а затем расширяется и охватывает весь неведомый мне мир. И стоит — перед пансионатом, между крыльцом и железнодорожной станцией, — толпа теток и дядей, стоят дюжины панов Леонов, панов Абрамов и двойников доктора Кана, отряды бабушкиных подруг, дедушкиных и дяди Мотиных кузенов и все сестры пани Цукерман. Стоят и глядят на меня, в то время как день еще сливается с ночью, на краю тьмы, которая перекатывается над бездной черными волнами»³².

В Варшаве на печально воспетой Каценельсоном площади Умшлагплац, откуда вагонами отправили на смерть 300 тысяч варшавских евреев, сейчас возведен мемориал. Поскольку разместить на нем такое количество фамилий не представлялось возможным, было решено ограничиться лишь именами — Авраам, Борух, Хана и т.д. (всего 350)*.

К библейскому контексту может быть отнесен и мотив Исхода, присутствующий у Пазиньского: «Дочь пана Леона уехала в Швецию, так же, как сын пана Абрама и дети пани Гуты и адвоката, с которым я ходил на пляж, и дочка пани Ани... сын потом уехал. А пан Абрам остался. — Кто-то должен присмотреть за костями, — повторял он твердо»³³.

Таковыми же словами объяснял Марек Эдельман, один из руководителей восстания в Варшавском гетто, почему он — единственный из уцелевших повстанцев гетто — не уехал из Польши: «Здесь похоронен мой народ. Я остался потому, что я — хранитель еврейских могил. Кто-то же должен остаться со всеми теми, кто тут погиб»³⁴.

Образы кладбища, могил, смерти обрамляют своеобразный мартиролог, характерный для истории польского еврейства середины XX в.: «У пана Абрама не было родных, и у пана Леона не было. Доктор Кан потерял жену давно, кажется, тоже во время войны. Пан Хаим тоже был одинокий. У пани Течи был муж, он тогда уже умер. Мужа пани Ирены убили, а сына расстреляли в Кракове, где он скрывался. Доктор

* В 2010 г. в польском переводе вышел документальный роман хорватской писательницы Д. Дрндич «Sonnenschein» (*Drndić D. Sonnenschein*. Zagreb, 2007), в котором 78 из 470 страниц книги занимает список имен 9000 евреев, депортированных из Италии или убитых в Италии и оккупированных ею странах в 1943–1945 гг. На публикации этого списка автор категорически настаивала, это было ее условием издателям: «За каждым именем скрывается история».

Каминьская бежала из гетто, в Варшаве, вместе с сестрой, они раздобыли арийские документы... Пан Бялер был у партизан, советских... У пани Марыси был на руке номер, освенцимский, с внутренней стороны»; «Вся наша Варшава! Успели погибнуть на месте или их увезли туда, в Треблинку? Как наших соседей из Свентоерской, как семью Рабиновичей с Паньской — наших родственников..., как отца и мать Шимона, его брата Шляму, двух сестер, Ривку и Малку, кузена Юрека и его жену Халю с маленьким Гершиком, который, когда началась война, как раз должен был пойти в первый класс...»³⁵.

Подобно тому, как Иаков боролся с Господом, после чего и был наречен Исраэлем* (Быт. 32: 25–33), персонажи Пазиньского так или иначе вступают в (иронически представленное) противостояние с Богом, соперничество, диалог: «А Иаков? Он ведь спорил. Мы, евреи, вечно препираемся с Господом, даже если сомневаемся в Его существовании. У нас крепкая шея и крепкая спина, но и у Него там, наверху, *Ойберштер*, *Рабойно шель Олам*, тяжелая рука. Не раз нам доставалось розгами за наши грехи. Кожа у нас крепко выдублена, в самый раз, чтобы писать на ней слова нашей священной Торы»³⁶.

Учащиеся в *бейт мидраше* пытаются своими толкованиями «совместными силами побороть Моисея, а если сил хватит, то и Господа Бога. Тот охотно принимает вызов, ему это, наверное, не так уж сложно»; «Пан Леон не любил говорить хорошо о Господе, поскольку, когда он тогда спросил о нем своего учителя в хедере, реб Пинкус Менахем так разволновался, что выгнал маленького пана Леона с урока, а потом отец пана Леона выдрал его за грех и позор, который тот навлек на их набожный дом. Еще несколько лет пан Леон спорил с Богом, ибо ему, несмотря ни на что, все же очень хотелось как-то объяснить существование Бога, но когда отец, обнаружив у него книгу Спинозы, выпорол пана Леона розгами и выгнал из дому, тот решил, что в его случае Господь повел себя недостойно. Ведь пан Леон столько времени и сил посвятил размышлениям о божественной сущности, а Господь молчал и даже пальцем не пошевелил, чтобы защитить его. Вот так пан Леон обиделся на Господа Бога»³⁷.

Главный герой «Рукописи Исаака Фельдвурма» «после праздника недолгое время думал о Предвечном, возможно, побуждаемый чувством вины перед более религиозными предками. Он даже за-

* буквально — «борющийся с Богом».

ставляя себя обменяться с ним несколькими фразами, полагая, что этого требует хорошее воспитание, а Господу Богу беседа с Исааком Фельдвурмом, столь редко устаивавшим его добрым словом, доставит удовольствие. Однако это не были содержательные разговоры, Фельдвурм быстро терял интерес, диалог с Всемогущим начинал ему наскучивать...»³⁸.

Тем не менее, «Фельдвурм соревнуется с Господом Богом – кому из них удастся записать больше имен... Говорят, что в те времена Господу Богу уже не хватало сил, поэтому чувствуя, что проиграет, он уклонился от соперничества, но обещал канцеляристу, что будет за него благожелательно болеть. Фельдвурм принял вызов, учитывая раздающиеся то тут, то там уверения, что Бог, который покинул его посредине соревнования, по крайней мере, окажется справедливым судьей»³⁹. В этом диалоге-противостоянии-споре человека с Высшим есть место и для критической оценки: «Когда мне разговаривать с Богом?.. Посмотрите на Него: создал мир, а теперь отдыхает, сложив руки. Согласитесь, что шесть дней — не такой уж большой труд. И что? Это и есть его работа? Любой еврейский бедняк хотел бы так в жизни наработать. Наш Господь — вроде Ротшильда. Открыл банк, а теперь другим приходится приумножать его богатство»⁴⁰.

В этих фрагментах отчетливо проступает особый тип взаимоотношений человека с Всевышним — если и не равных, то близких к взаимосвязи сына с отцом. О цикличности трансляции памяти поколений — не от отцов к детям, а от дедов — к внукам писал еще Норвид:

Syn – minie pismo, lecz ty spomniesz, wnuku, Co znika dzisiaj (iż czytane pędem)...	Сын пренебрежет написаным, но ты вспомнишь, внук, Что исчезает сейчас (ибо читается в спешке)...
Tak znów odczyta on, co ty dziś czytasz, Ale on spomni mnie... bo mnie nie będzie! ⁴¹	Так вновь прочтет он то, что ты читаешь сегодня, Но он вспомнит меня... ибо меня не будет!

Герой-повествователь Пазиньского — именно внук тех, чьи воспоминания он (третье поколение после Холокоста) описывает, прибегая к тем же приемам (использования воображения), которым он научился у бабушки с дедушкой, например, по их постоянным рассказам о России «и о нищете военных лет в Узбекистане, где чай с сахаром пили тремя способами. Вприкуску, когда все облизывали один кусочек, который окунали в кувшин с горячим чаем. Вприглядку, если кусочек сахара был слишком мал, чтобы почувствовать вкус, так что лучше смотреть, как он лежит посреди стола. А когда и того не было — то впридумку.

Этот третий способ бабушка с дедушкой использовали чаще всего»⁴². Именно «впридумку», не выдавая себя за свидетеля или участника событий («О переходе через Красное море тоже до сих пор рассказывают, а ведь никто не может знать наверняка, как всё было»⁴³), Пазинский перемещается в пространстве памяти и забвения, существования и исчезновения, и ткань его повествования одновременно прозрачна и призрачна, вплетена в сиюминутную житейскую реальность обветшалого пригородного пансионата со старыми постояльцами, или варшавской повседневности с ее квартирами, кладбищами, антикварными лавками — и в вечный библейский контекст.

Если обратиться к еврейской традиции, то можно заметить, что писательская стратегия Пазинского идет по следам хасидской притчи о смене поколений и уменьшении знания, но тем не менее — о несгибаемом упорстве памяти: родоначальник хасидизма Баал Шем Тов молился в особом месте в лесу, разжигая священный огонь, и это помогало ему находить решение, о котором он просил в своей молитве. После его смерти его ученик, Дов Бер из Межирича, шел в то же самое место в лесу, но признавал, что, хотя представители его поколения уже не умеют разжигать священный огонь, они все же могут произнести молитву, — и тоже получал помощь свыше. В следующем поколении реб Моше Лейб из Сасова говорил: «Разжигать священный огонь мы не умеем, молитву не помним. Нам известно лишь место в лесу, и этого достаточно», и действительно этого оказывалось достаточно. Для представителя уже следующего поколения, Израэля из Ружина, достаточным оказывалось (поскольку «разжигать священный огонь мы не умеем, молитву не помним и места не знаем») — рассказать притчу о том, как это делалось прежде»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Baranowska M.* Warszawa. Miesiące, lata, wieki. Ser. «A to Polska właśnie». Wrocław, 1997. S. 5.
- ² *Пазинский П.* Пансионат. М., 2018. С. 105.
- ³ Ср., в частности: *Literatura polska wobec Zagłady*. Red. A. Brodzka-Wald, D. Krawczyńska, J. Leociak. Warszawa, 2000; *Literatura polska wobec Zagłady (1939–1968)*. Red. S. Buryła, D. Krawczyńska, J. Leociak. Warszawa, 2012; *Ubertowska A.* Świadcтво — trauma — głos. Literackie reprezentacje Holokaustu. Kraków, 2007; *Mach A.* Świadcтowie świadcтв. Postpamięć Zagłady w polskiej literaturze najnowszej. Toruń, 2016.

- ⁴ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 190.
- ⁵ Там же. С. 29, 31.
- ⁶ Там же. С. 28–29, 173.
- ⁷ *Varanowska M.* Pamiętnik mistyczny. Gdańsk, 1998 (1-е изд.: Warszawa, 1987).
- ⁸ *Каценельсон И.* Сказание об истребленном еврейском народе / *Dos lid fun ojsgehartetn jidiszn folk* / Пер. с идиша Е.Г. Эткинда под ред. Ш. Маркиша; лат. транслитерация, статьи и коммент. А. Лустигера. М., 2000. С. 67, 69.
- ⁹ Там же. С. 130.
- ¹⁰ *Lech F.* 10 мест в Варшаве, которых нет. URL:<https://culture.pl/ru/article/10-mest-v-varshave-kotoryh-net> (дата обращения: 07.01.2019).
- ¹¹ *Мангер И.* Книга рая. Удивительное жизнеописание Шмуэл-Абы Аберво. Пер. с идиша И. Булатовского и В. Дымшица; послесл. и примеч. В. Дымшица. СПб., 2008.
- ¹² *Башевич Зингер И.* Семья Мускат / Пер. с англ. А. Ливерганта. М., 2007. С. 10–12. Согласно данным 1931 г., среди трех миллионов польских евреев 12% назвали родным польский язык, 8% — иврит, а повседневным языком почти 80% польского еврейства был идиш. См.: *Shmeruk Ch.* Hebrew-Yiddish-Polish: A Trilingual Jewish Culture // *The Jews of Poland Between Two World Wars*. Ed. I. Gutman, E. Mendelson, J. Reinharz, Ch. Shmeruk. Hannover, London, 1989. P. 287–288.
- ¹³ См., в частности: *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie. Przewodnik po nieistniejącym mieście. Warszawa, 2013 (1-е изд.: 2001; англ. пер.: *The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City*. Transl. by E. Harris. Yale University Press, 2009).
- ¹⁴ *Chomętowska B.* Stacja Muranów. Wołowiec, 2012. В названии книги содержится намек на фантомность описываемого квартала — станции метро с таким названием не существует. Ср. также: *Grupińska A.* Odczytane Listy. Opowieści o warszawskich powstańcach Żydowskiej Organizacji Bojowej. Wołowiec, 2014 (2-е изд.).
- ¹⁵ *Ostachowicz I.* Noc żywych Żydów. Warszawa, 2012. Ср.: «Передо мной теснится Прозрачная толпа бесчисленных теней». *Каценельсон И.* Сказание об истребленном еврейском народе. С. 26.
- ¹⁶ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–235.
- ¹⁷ *Paziński P.* Ptasię ulice. Warszawa, 2013. S. 10, 12.
- ¹⁸ Ibid. S. 138–139.
- ¹⁹ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 58–59.
- ²⁰ Там же. С. 105–106.
- ²¹ *Paziński P.* Ptasię ulice. S. 16.
- ²² *Пазиньский П.* Пансионат. С. 189.
- ²³ *Paziński P.* Ptasię ulice. S. 76.
- ²⁴ Ibid. S. 88.

- ²⁵ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 120–121.
- ²⁶ *Paziński P.* Ptasie ulice. S. 111–112.
- ²⁷ *Ibid.* S. 114.
- ²⁸ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 87.
- ²⁹ Библейские цитаты приводятся по изданию: Пятикнижие и гафтарот. Иврит. текст с рус. пер. и классич. коммент. «Сончино»; коммент. сост. д-р И. Герц. М., Иерусалим, 1999.
- ³⁰ Пятикнижие с толкованием Раши. Книга «Имен» (Шмот). Пер. Ф. Гурфинкель. Иерусалим, 1981. С. 3.
- ³¹ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 27–28.
- ³² Там же. С. 40, 51, 52, 139.
- ³³ Там же. С. 56–57.
- ³⁴ *Assuntino R., Goldkorn W.* Strażnik. Marek Edelman opowiada. Kraków, 2006. S. 115.
- ³⁵ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 71.
- ³⁶ Там же. С. 183.
- ³⁷ Там же. С. 90, 134.
- ³⁸ *Paziński P.* Ptasie ulice. S. 107–108.
- ³⁹ *Ibid.* S. 145.
- ⁴⁰ *Пазиньский П.* Пансионат. С. 156.
- ⁴¹ URL: https://www.goldenline.pl/grupy/Literatura_kino_sztuka/ludzie-wiersze-pisza/syn-minie-pismo-lecz-ty-spomniesz-wnuku,1064164/ (дата обращения: 07.01.2019).
- ⁴² *Пазиньский П.* Пансионат. С. 118.
- ⁴³ Там же. С. 125.
- ⁴⁴ *Шатиро Р.* Хасидские притчи. Пер. с англ. Е. Мирошниченко. М., 2005. С. 30.